

Эдвиг Арзунян

Мальчишеские сражения

Стукалки. Одесская школа № 50 была на улице Конной, через дорогу от Нового базара. Причем это была задняя по отношению к центру города часть Нового базара, то есть те самые задворки базара, в которых собиралось больше всего всяких биндюжников, спикуней, воров, проституток и прочей базарной элиты – ведь это был 1946 год. Многие из них и жили где-то тут же.

Биндюжник – ломовой извозчик в Одессе и некоторых других южных городах России, от *биндюг* – «длинная большегрузная телега».*

Кстати, потому улица и называлась – Конная, что изначально была улицей биндюжников.

Среди моих соучеников оказалось немало детей этой базарной элиты, и они задавали в школе очень жестокий тон. А были ведь еще и дети с просто расшатанными нервами, которых коснулись ужасы войны. Среди всех их были и весьма положительные ребята, но это не мешало им иногда вспылить и проломить соседу по парте голову чернильницей.

А я был из того меньшинства детей, кому посчастливилось избежать особых душевных потрясений, связанных с войной. И нам, нормальным детям, было страшновато в этой жестокой атмосфере.

На Комсомольской было много развалок с сохранившимися двух-трехэтажными стенами, кусками этажей и лестниц. На остатке стены, глядящем на улицу, обязательно была надпись какого-нибудь цвета краской: «Проверено – мин нет!». Эти надписи

* Викисловарь, «биндюжник», «биндюг».

советских саперов появились в первый же месяц после освобождения города от оккупантов.

В одной из этих развалок мы, пацаны, регулярно собирались после занятий на *стукалки*.

– Постукаемся? – предлагали и мне. – После уроков в развалке...

Развалка – «остатки здания, разрушенного бомбой, снарядом, миной».*

Стукаться – это значило драться; но и не совсем драться: это было как бы обрядом выяснения отношений. Постоянно выяснялись отношения, кто кого бьет. Тому, кто тебя бьет, ты должен во всем подчиняться беспрекословно – и он тебя не тронет.

«Он тебя бьет» означало вовсе не то, что он тебя в данный момент бьет или что он тебя бьет регулярно, а лишь то, что он тебя бьет вообще, то есть когда-то побил, а значит, при твоём непослушании может побить опять.

«Он тебя бьет» могло означать также, что когда-то, в самом начале вашего знакомства, он тебе предложил:

– Постукаемся?

И ты или испугался, или просительно улыбнулся ему и дружески взял его за плечо:

– Ладно, я знаю, что ты сильнее.

Признать, что он сильнее, было почетнее, чем испугаться. Так поступали наиболее хитрые из слабосильных – например я.

А самое благородное было принять бой, даже если он и сулил поражение.

– Постукаемся?

– Постукаемся.

Существовал и институт секундантов, как при настоящей дуэли:

– Хорошо, с моей стороны будет Славка.

– Ну я тоже кого-нибудь приведу.

В обязанности секундантов входило караулить портфель, пальто и шапку дерущегося товарища, а воровали тогда быстро. Но главное – следить, чтобы дуэль протекала по правилам.

* «Словарик Не-Ожегова» (<http://edvig.narod.ru/slovarik-ne-oghegova.htm>), «развалка».

Правил было мало, но соблюдались они четко.

1. Стучаются лишь двое. Если кто-либо третий пытается тоже влезть в драку на стороне одного из стучающихся, то секунданты и зрители напоминают ему главное правило:

– Два в драку, третий в с---у!

А если слова не помогают, то и насильно изолируют его от стучающихся.

2. Если один из стучающихся падает, то второму напоминают:

– Лежачего не бьют!

И второй должен бездействовать, пока лежачий встанет.

(Ну как у настоящих взрослых боксеров.)

3. Стучались до первой юшки**. Увидев на одном из стучающихся юшку, кто-либо из секундантов или зрителей тут же объявлял:

– Стоп, юшка!

Это означало завершение стучалки. Вышибший из противника юшку объявлялся победителем:

– Ты победил!

(То же, как судья объявляет победителя в боксе.)

Чаще всего юшка появлялась из носа, но проломить могли и голову, и вообще что угодно. Однако неважно что – лишь бы первая юшка. Стучались голыми руками – без камней, палок, ножей; но и ногами, нередко в сапогах.

А с камнями или ножами – это уже считалась не стучалка, а драка, это было против правил стучалки. И бывало это намного реже, да и только с незнакомыми пацанами – с другой улицы или из другой школы.

Конечно, иногда на стучалку договаривались не очень-то мирно: в школе происходила стычка, но то ли сами, то ли с помощью друзей быстро прекращали ее, чтобы не влипнуть под неусыпное око учителей. И тут же почти хладнокровно договаривались:

– Приходи в развалку на Комсомольской!

– Я-то приду, а ты не забзди***!

Но часть стучалок все-таки начиналась без всяких стычек – просто как вызов на рыцарский турнир:

** Викисловарь, «юшка».

*** Викисловарь, «бздеть».

– Хочешь со мной постучаться?

– Хочу.

Особенно, помню, поражал меня один прием – если противник попался на этот прием, ему наверняка бывала хана: избежать юшки было почти невозможно.

Прием этот был так же прост, как, вероятно, и древен. Главное было хорошенько схватить голову противника за уши или за волосы, или еще как-нибудь – и пригнуть ее к себе. В этом положении было очень удобно молотить противника коленом по носу. И вымолотить из носа юшку удавалось очень быстро.

Так что человеку со слабым носом в стукалке делать было нечего, даже если у него были сильные мускулы и крепкие нервы. Все равно юшка из носа быстро приводила его к поражению.

Случалось, что стукалки завершались дракой – это когда у кого-то сдавали нервы, и он нарушал правила игры. И тут уже в драку могли вступить и секунданты, и прочие друзья-товарищи, и даже посторонние зрители – и тогда уже в ход шел любой подручный материал: портфели, гельки*, перочинные ножи и даже железные обломки, которых много валялось в развалках.

И тут уже обязательно кто-то кому-то что-то разбивал, не смотря уже ни на первую, ни на вторую юшку. А кто-то быстро срывался**, а кто-то распускал нюни – ревел обильными детскими слезами. И, конечно, все это сопровождалось свирепым базарным матом. Со стороны могло показаться, что ругались закоренелые биндюжники, а не молокососы-школьники.

Развалки играли роль уличных уборных – в основном для мужчин (женщины опасались в них появляться). Увидев стукающихся пацанов, взрослый мужчина, как правило, разгонял их. А особенно азартным стукальщикам могло и достаться от взрослого: и под зад, и по морде. Мог и оттягать за ухо – и за ухо же потянуть в школу или к родителям.

* Гельк (прост.) – камень для бросания («Словарик Не-Ожегова» – <http://edvig.narod.ru/slovarik-ne-oghegova.htm>, «гельк»).

** Викисловарь, «срываться».

Поэтому при виде пришедшего опорожниться взрослого кто-то из пацанов, стоящих на шухере*** у входа в развалку, сразу же кричал:

– Атас****! Шухер*****!

И стукалка временно прекращалась, – пока взрослый опорожнится и уйдет.

Но даже если саму стукалку взрослый и не засекал, то он все равно чувствовал, что пацаны собрались тут неспроста – и часто из родительско-педагогических соображений гнал даже мирно стоящих в развалке пацанов. А драться со взрослым никто из пацанов не решался, ведь взрослые были тогда тоже тертыми*****: за их плечами была школа почище стукалок – война. Матерые же пацаны-хулиганы решались лишь на то, чтобы грубо огрызнуться, иногда и с матом, но придерживаясь при этом почтительного расстояния от взрослого. А иногда, отбежав подалее, запускали во взрослого камнем – и сразу же давали стрекача, аж пятки сверкали.

*Снежки.****** Недавно прошел не частый для Одессы обильный снегопад, и город словно оделся в чистую белую одежду. После покупки чего-то я направлялся домой, на Дегтярную, 10, и уже у самого дома нагнал Олега Остапенко. Он учился в том же 4-Б классе, что и я, и тоже жил в этом доме.

– Приходи в снежки играть, – предложил Олег. – Там, в развалке на Спиридоновской, такая война сейчас будет!

*** Стоять на шухере (жарг.) – то же, что стоять на стрёме; стрёма – стоять на страже сообщников при совершении преступления (Квеселевич Д., «Толковый словарь ненормативной лексики русского языка, «стоять на шухере»).

**** Атас (жарг.) употребляется как предупреждение об опасности (Там же, «атас»).

***** Шухер (жарг.) – как и атас, употребляется как предупреждение об опасности (Там же, «шухер»).

***** Тёртый (жарг.) – бывалый, опытный; много видевший, испытавший (Там же, «тёртый»).

***** По «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, слово «снежок» – мужского рода, и одно из его значений такое: небольшой, плотно скатанный комок снега, а также (мн.) игра, участники которой бросаются такими комками. Однако в диалекте Одессы это слово – женского рода и с другим ударением: «снэжка» (см.: «Словарик Не-Ожегова» – <http://edvig.narod.ru/slovarik-ne-oghegova.htm>).

Это была развалка между Дегтярной и Кузнечной, на левой стороне Спиридоновской – если смотреть в сторону центра города.

– А ты ведь домой идешь? – сказал я.

– Нет, я сейчас тоже приду.

Я заскочил домой, оставил там покупку. А потом помчался на Спиридоновскую, поднялся в развалку – где-то на уровне второго этажа.

Но ни в развалке, ни около никого не было. Я подождал: Олег ведь сказал, что сейчас придет. А я пока что стал лепить снежки. И когда появился Олег, несколько снежек, готовых к употреблению, уже лежали у меня на согнутой левой руке, от кисти до локтевого сустава – именно так принято было у снежководов заготавливать боеприпасы.

– А где же война? – спросил я Олега.

На другой стороне улицы Олег увидел какого-то пацана и крикнул ему:

– Эй, Кела, так где же ваши?

– Сейчас будут! – крикнул в ответ Кела.

И Олег тоже, как и я, стал загружать руку снежками.

– Так что: с нашей стороны мы будем только двое? – насторожился я. – А их сколько?

– Да сейчас и к нам подойдут... – сказал Олег. – А мы и сами им покажем!

На нашу сторону улицы ринулись три пацана во главе с Келой – и снизу, с тротуара, в нас полетели снежки. Мы не замедлили открыть ответный огонь. Развалка была как бы нашей с Олегом крепостью, которую мы обороняли, а трое врагов снизу брали эту крепость штурмом.

Но всех нас было мало: и нас, и тех, штурмующих, – всего пятеро. И после нескольких минут бросания снежек бой как-то заглох.

По улице как раз проходили две девочки. Наши враги закричали:

– На баб!.. На баб!..

И, повернувшись к нам спинами, стали забрасывать снежками девочек. Не успели мы с Олегом среагировать – то ли поддержать этих пацанов, то ли стать на сторону девочек – как девочки убежали.

Тогда эти пацаны полезли к нам в развалку – но уже безоружные: без снежек.

– Давайте лучше вместе отсюда в баб кидать! – предложил Кела.

– Ладно, – сказал Олег.

И мы стали поджидать баб.

Баба появилась, но далеко: она шла по Дегтярной. Энергично размахнувшись, Олег бросил в нее снежку – но не добросил.

– Айда лучше туда! – предложил Олег.

И мы все побежали на Дегтярную.

Тут бабы проходили часто, и мы засыпали их снежками.

Если баба выглядела слишком взрослой – ну этак лет за пятнадцать, – кто-нибудь из нас кричал:

– Старуха!

В старух мы снежек не кидали.

А если молоденькая, кричали:

– Молодуха! – и все с радостью забрасывали ее снежками.

Часто девочки, завидев нас со снежками в руках, догадывались, что мы их ждем, и переходили на другую сторону улицы. Но мы обстреливали их через мостовую или перебежали поближе к ним – и все равно забрасывали их снежками.

Да и старухи, то есть которые старше пятнадцати, проходили робко, с оглядкой – ведь они не могли точно знать, с какого их возраста мы не бросаем в них снежки. А иногда, не разобравшись, особенно если со спины или с другой стороны улицы, кто-то кинет в такую старуху снежку, и она грозно обернется на нас, и мы тотчас увидим, что ошиблись.

– Старуха! – крикнет кто-нибудь, предупреждая остальных. И тотчас она для нас переставала существовать.

Наши веселые атаки привлекли внимание пацанов со всего квартала. Была тут и дошкольная мелюзга, которая тоже кричала:

– Стаюха!..

– Молодыха!..

Присоединились к нам уже и взрослые парни, лет по пятнадцати. Взрослые парни особенно охотно бросали снежки во взрослых девушек – и мы подражали им в этом.

Большинство девушек молча сносили наши атаки и старались лишь пройти побыстрее, струшивая снег от наших снежек. Некоторые грозилась, ругались, а иные и шутили, смеялись, и даже отвечали нам тоже снежками.

Но это издалека. А если какой-нибудь особенно малый молокосос, зарвавшись по младенческой глупости, подскакивал чуть ли не вплотную к взрослой девушке, то мог и в морду схлопотать. И даже она могла его снегом накормить...

Да, это существовала такая полушуточная-полуиздевательская забава: накормить кого-нибудь снегом. Одной рукой придерживали жертву за воротник, а другой запихивали ему или ей в рот снег.

Взрослой девушке по отношению к молокососу такая экзекуция вполне была под силу. Подобные боевые бабы, которые давали отпор пацанам-снежкокидателям, вызывали наше всеобщее восторженное ржание.

Впрочем, такое чествование нами этих баб не мешало нам и их засыпать снежками.

А девочки помладше мало того, что переходили на другую сторону Дегтярной, так еще и пускались наутек. А те, что шли по Дегтярной со стороны Толстого, завидев нас, заблаговременно сворачивали на Спиридоновскую.

Девочки же из нашего квартала, слыша наши воинственные клики, боялись и нос показать на улицу – играли себе во дворе. Потому что тут, в этой снежной войне, мы не различали своих и чужих баб.

В другое время мы бы их защищали или брали в союзники. Но снежки были именно оружием против баб – а они были бабы. И не было им пощады, хоть они и были свои. Тут все бабы были враги, даже свои бабы, а все пацаны – наши, даже чужие пацаны.

Эта снежная война опьяняла меня, – и я орал, и метался, и кидался снежками. Мне было жарко, я был потный. И даже позволял себе иногда снять с себя шапку – благо мама этого не видела, а от моей обнаженной потной головы валил в морозный воздух пар.

В экстазе снежкокидания можно было забыть на время и об уроках, и о строгой маме дома. И о том, что в ботинках давно уже хлюпает вода.